

УДК 39 (470.65)

К СЕМАНТИКЕ ТЕРМИНА *НАРТ*

Е. Б. Бесолова

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН

В статье с помощью этнолингвистического подхода предпринята попытка «прочтения» семантики термина *Нарт*. Посредством анализа экстралингвистических данных обосновывается развитие значения лексемы *нарт* < *лучник* и его связь с солярной символикой.

An attempt to interpret the semantics of the term *Nart* with the use of ethno-linguistic analysis has been made in the article. Through the analysis of linguistic materials the development of the meaning of *nart* < *archer* and its connection with solar symbolism are substantiated.

Ключевые слова: семантика; этимология; нарты; культ; лук; лучник.

Keywords: semantics; etymology; nart; cult; bow; archer.

Существуют различные взгляды на происхождение термина *Нарт*. Одни ученые считают, что он имеет древнеиранский корень *nar-* со значением «мужчина», «герой» [1], другие связывают его с монгольским *нара* – «солнце» [2, 3], третьим представляется, что «*нарт* есть соединение двух слов: *на арт* – “наш огонь” или “наша присяга”» [4]; четвертые [5] возводят данный термин ко «второму фонетическому варианту – “нат”, широко употребляющемуся в западных адыгейских диалектах» (подробнее об этом см.: [6]).

В порядке *гипотезы* в данной статье мы осмеливаемся дать *смысловую* мотивировку термина *Нарт*, а следовательно, и природы интересующего нас фольклорного феномена.

Два момента подвели нас к этому. Мы разделяем мнение патриарха кавказоведения С.А. Арутюнова относительно того, что, как бы значительно ни было бы воздействие воинственных пришельцев-монголов на культуру и язык кавказских народов, невозможно вообразить, чтобы лишь в середине XV в., или позднее, сформировалось в своей современной форме столь значимое понятие, как легендарный народ *Нарты*. Второй: слова В.И. Абаева о том, что «*следует в самой эпической традиции найти какое-либо указание, чьими детьми мыслились герои эпоса.* <...> При истолковании элемента *nar* как имени предполагаемого родоначальника Нартов мало убеждает подбор наугад созвучных слов из иранских, кавказских или иных языков» [7] (курсив наш. – *Е.Б.*). И далее: «... в циклах Сослана и Ацамаза солнечная мифология занимает заметное место. Мы вправе ожидать, что в термине *Narta* “дети *Нара*“ *nar* должно означать “солнце”...» [8].

На наш взгляд, прочтение «*биографии*» скифов подводит нас и к Солнцу, и к этимону Нарты, что мы и предлагаем, исходя из содержания самого эпоса.

У древних и средневековых кочевников Центральной Азии лук и стрелы, как известно, были и орудием охоты, и основным видом оружия дистанционного боя со времени освоения верховой езды и распространения тактики рассыпного строя в конном бою. Важная роль лука и стрел в военных действиях и охоте способствовала их знаковой функции в качестве символов или атрибутов власти, дипломатии, религиозных культов и обрядов в культурах древних и средневековых кочевников.

С древнейших времен и до появления огнестрельного оружия лук и на Северном Кавказе являлся важнейшим оружием дальнего боя. *Культ лука* как символа бога войны и символа власти сформировался, по мнению Ф. Кардини, раньше культа меча в среде северокавказских народов [9].

На серебряном сосуде из кургана под Воронежем помещены сцены, как их интерпретируют исследователи, из легенды о Таргитае и трех его сыновьях. Особенный интерес вызывает третья сцена на сюжет известной по Геродоту скифской генеалогической легенды, повествующей об испытании, предложенном мифическим родоначальником скифов Таргитаем-Гераклом трем своим сыновьям и о вручении победившему в нем младшему сыну, Колаксаю, *отцовского лука как символа царской власти над скифами*. Символика данного изображения,

по Д. Раевскому, отражает «определенные идеологические концепции своей эпохи и своей среды» [10]. Мы видим, что лук в данной композиции играет активную роль, ибо действие персонажа имеет характер политического символа – представлен момент передачи лука, а традиция устойчиво связывает лук со скифским миром. Инвеститурные сцены, замечает Д. Раевский, лишний раз служат доказательством богоданного характера власти этих царей, а сам Таргитай выступает в роли божественного патрона скифских владык [11]. Лук, как видим, выступает *сакральным символом царской власти*. Еще пример. Парфянский лучник – частое изображение на реверсе парфянских монет.

Б.А. Литвинский также отмечает крайне широкое распространение у индоиранцев толкования лука как специфически царского оружия божественного происхождения (приводится параллель: в древнеиндийском коронационном ритуале существовал эпизод, когда жрец передавал царю лук как символ победы Индры над драконами). Законность династии оправдывалась через установление логической связи между царской властью и божественными силами [12].

По определению Геродота, «каждый скиф – конный стрелок», и находки археологов подтверждают это. Почти в каждом мужском погребении обнаруживаются бронзовые наконечники стрел (двухлопастные – в ранних могилах, трехлопастные, или трехгранные – в более позднее время) и реже – остатки лука [13]. Самое частое изображение на предметах, найденных при раскопках, – изображение лучника. Скифский воин немыслим без колчана с луком и стрелами, который подвешивался к поясу с левой стороны.

Скифы славились как искуснейшие стрелки: «стрелами бьющиеся, изо всех стрелков в мире самые искусные, наудачу стрел не пускающие» [14]. По Г. Денисону, скифская конница считалась лучшей. Ее основой был конный лучник. Стрельба велась на скаку, когда скифский отряд, не приближаясь вплотную к противнику, вдруг разворачивался, мчался мимо и притворно обращался в бегство. Обернувшись назад, скифский лучник успевал выпустить несколько стрел. Результаты скифского налета (тактика обстрела массой стрел) оказывались убийственными для врага, в то время как сами скифы оставались недосягаемыми. Благодаря специальной выучке лошадей, которых приучали к управлению шенкелями, лучник-скиф получал возможность стрелять из лука на полном скаку, а их двухперые и трехперые наконечники стрел, отлитые из бронзы, обладали повышенной дальностью и пробивной силой, помогали скифскому лучнику держаться на безопасном расстоянии от врага [15].

Именно с того времени, когда воины стали конными лучниками, символическое значение данного вида оружия значительно возросло, и, видимо, не случайно в этот период лук стал одной из инсигний царского достоинства у скифов. Лук и стрелы символизировали для скифов оружие как таковое и военную власть царя.

Лук и стрелы были едва ли не главным оружием скифов. В одной из своих работ В.И. Абаев возводит название скифского племени к герм. **skut-* > «стрелок из лука» [16]. В сказаниях о нартах лейтмотивом проходит стрельба из лука; к примеру, при сватовстве Сослана к девушке из летающей башни; при стрельбе хозяином крепости Хыз в юного помощника Сослана стрелами, дарованными богом; Батраз на стреле проникает в неприступную крепость; и мн. др.

Но какова связь между луком, лучником и нартами?

Еще в 1945 г. В.И. Абаев, касаясь толкования термина *Нарт*, писал, что «недостатка в попытках объяснения этого загадочного слова нет. Но почти все они безотрадны... Следует в *самой эпической традиции* найти какое-либо указание, чьими детьми мыслились герои эпоса. Такое указание имеется. В записанных известным этнографом Кавказа Г.Ф. Чурсиным солярных мифах осетин имеется такое утверждение: “Когда-то у солнца были дети, богатыри Нарты” ... Такая генеалогия Нартов хорошо согласуется с духом эпоса, в котором ... солнечная мифология занимает заметное место. Мы вправе ожидать, что в термине *Narte* «дети Нара» *nar* должно означать “солнце”. Это приводит нас к монг. *nara* «солнце» как вероятному этимону термина *Narte*» [17].

Относительно же монгольского *nara* «солнце» как вероятного этимона термина *nart* мы солидарны с чл.-корр. РАН С.А. Арутюновым (устное сообщение) в том, что закреплению термина в форме *Нарт* способствовало, видимо, *созвучие* со словом *нар(ан)*, означающим солнце в монгольском языке, которое и стало на определенное время «*статусно престижным*».

Как известно, функции лука и лучников отражают следы разных мифологических и исторических напластований и народных воззрений. В мифопоэтическом мышлении лук и стрела как атрибуты Аполлона означали энергию Солнца, его лучи и его очищающие и оплодотворяющие силы [18]. Во множестве мифологических текстов запечатлено отождествление корпуса лука в категориях пространства с нижним миром, а в категориях циклического времени – с периодом между закатом и восходом и синонимичными ему фазами: смертью и рождением, осенью и весной [19]. Семантика лука как космического женского чрева лежит в основе фаллической символики стрелы, обнаруживаемой, например, в грузинских поверьях о стре-

ле, способствующей возрождению мужской силы. Острые стрелы в космологической схеме совпадает с центром преисподней, а в тождественной ей схеме солнечного суточного цикла – с гранью между закатом и восходом. В классической мифологии оно в зачаточном состоянии сохраняется в мотиве поединка с хтоническим противником, поверженным стрелой в полночь в преисподней. В биологическом цикле фазе полночи соответствует рубеж между смертью и рождением – реинкарнация. Первичная символика острия стрелы обнаруживается в мотиве яйца, разбиваемого ею в космогонических мифах, а также в эпическом мотиве зачатия героя во время охоты его отца [20].

Таким образом, лук со стрелой являются ритуально-мифологической метафорой матери-земли и неба-отца, соединенных священным браком.

Распахнутые руки лучника соответствуют в схеме тетиве-земле, правая кисть совпадает с восточными воротами горизонта и фазой утра, весны, рождения. Известен мотив рождения героя из правой руки либо правого бока матери или отца; это – инд. *Индра*, осет. *Батра(д)з*.

Левая кисть совпадает в схеме с западными воротами горизонта и фазой вечера, осени, умирания. В эпической биографии лучника мотив смерти от левой руки существует на периферии сюжета: противник героя – левша; ср. также роль левой руки в погребальных ритуалах осетин [21, 22].

Лук и стрела могут структурно интерпретироваться как вертикальная модель мира, представленная кругом с вписанным в него крестом. Круг с крестом – самый распространенный *солярный* знак.

Лук, дуга, арка, радуга – символы небесного свода, бога Неба. В обрядах инициации прохождение через дугу-арку означает новое рождение. Дуга, являясь частью круга, символизирует жизненную силу, потенциальный дух. Дуга, полукруг – на нее переходит символизм круга, но с добавлением значения движения. Дуга – та же небесная арка, радуга. Обычно радуга рассматривается как символ единства неба и земли. Но то, посредством чего устанавливается эта связь, не обязательно должно иметь своим следствием уподобление или отождествление. Известно, что само это значение радуги, которое в той или иной форме встречается в большинстве традиций, является прямым следствием ее *тесной связи с дождем*, где последний олицетворяет схождение небесных влияний в земной мир. Ср.: родоначальница Нартов, героиня другого древнейшего цикла – Сатана, родилась от союза Солнца (*Уастырджи* – ее отец – староосетинское солнечное божество) и Воды. Налицо символизм *радуги*: мост между небом и землей, объединение верха и низа, естественного и сверхъестественного, сакрального и мирского.

Символика радуги неоднозначна, по сути, она уподобляется космическим потокам, посредством которых совершается взаимообмен между небом и землей, что непременно согласуется с *изогнутой, дугообразной* ее формой.

В мифологии древних народов радуга являла собой знак смерти, а также выступала в связующей роли между этим и загробным миром, лестницы в небо, дороги в рай. В мифах радуга предстает в виде громадного лука – оружия богов; небесного символа, знаменующего лучи Священного Солнца, несущих с собой мир и покой. У всех славян существует верование в то, что радуга набирает, высасывает, «пьет» воду из озера, моря, реки или колодца, подобно змею. Лук с вложенной в него стрелой в архаических культурах выступает как символ оплодотворенного чрева; по этой причине в мифологии и фольклоре распространен мотив испытания жениха посредством стрельбы из лука. Стрела же является одним из самых распространенных изображений солнечного луча: «*Стыр зеппадз ын сарезтой. Бавердтой дзы се мады 'ме зеппадзы ныхыл арттиваг болат ныссаг'той. Се мады номыл фехстой арвме афсаен фетте. Фетте хурыл самбелдысты, 'ме хур ардынаг аркодта зеппадзыл*» [23] – «Построили просторный склеп. Поместили туда свою мать, и на фасаде склепа блестящий булат прибили. В честь (во имя) матери пустили в небо железные стрелы. Стрелы достигли Солнца, и Солнце соорудило над склепом арку (дугу)».

В некоторых случаях к стреле привязывается нить, которая должна пройти через мишень (а также ср.: сказание «Как Батраз сокрушил крепость Гур»).

Лук и стрелы в различных культурах связываются с солнечными божествами, олицетворяя энергию Солнца, его лучи и очищающие и оплодотворяющие его силы. Символ силы и воинственности – лук со стрелой – выступает как образ космически организованного мироздания, как модель мира, ограниченного от хаоса. Семантика слов *дуга – радуга – лук* позволяет привести мнение В.И. Абаева о том, что для «сынов Солнца» истинно нартскими по размаху, а по характеру – по-настоящему боевыми играми-состязаниями в древнейшей части эпоса были стрельба из лука и испытания мечей [24].

Лук, дуга, радуга – *полукружья Солнца, его производные и символы*. Ср.: топоним *Нар*, название от балт. * *peg-* / *par-* «*изгиб*»; (у реки) «*излучина*» [25]. Существуют и иные интерпретации данного топонима, с ними можно ознакомиться в монографии А.Дз. Цагаевой [26].

Арка, мост, дуга есть символы связи, соединения двух точек сакрального пространства – земли и неба, выступая как вариант мирового древа. Но мост также связывает между собой мир живых и мир усопших. В более общем смысле он символизирует переход из одного состояния в другое.

Солярные мифы составляют сердцевину многих мифологий. Солнце, как известно, олицетворяет жизнь, свет, высшую космическую силу. Лучи солнца несут плодородие и изобилие, они же иссушают и убивают, поэтому Солнце символизирует и жизнь, и смерть (ср.: лук Аполлона – это солнце, мечущее лучи-стрелы во врагов). Во многих мифологиях оно – верховное божество. Культ предков и культ Солнца связаны во многих культурах как символы защиты и спасения. Оно как активный принцип творения ассоциируется со светом, огнем, факелом, луком, стрелой, а также с конем, быком, львом и другими зверями. Восхождение и нисхождение Солнца есть формы сообщения между духовным миром и материальным; оно же источник высших ценностей, духовной власти и духовного авторитета [27].

Земным эквивалентом солнца является огонь. Невидимая сущность Небесного Солнца, пребывающая в человеке как источник огня и энергии, заключена в Нартах. Солнечная мифология в Нартиаде представлена древнейшим циклом сказаний о Сослане. Культ Солнца проявляется и в подвигах героя, и в его родственных связях, и в сравнениях с солнечным богом Митрой. Черты «солнечности» в сказаниях цикла прекрасно выделены Ж. Дюмезилем в мифологическом этюде «Солнечные мифы» [28].

Солнце в Нартиаде, как и для большинства индоевропейских народов, ассоциируется с Колесом. Лук (оружие) представляет собой *полукружье* Бальсагова колеса, несущего гибель Сослану.

Выявленные В.В. Цимидановым сходжения нартовского эпоса и срубной культуры подвели археолога к любопытному заключению относительно того, что «древние религиозно-мифологические представления, отразившиеся в Нартиаде осетин, восходят к эпохе, *значительно более ранней, чем скифо-сарматская*. Истоки этих представлений можно найти в бронзовом веке, и тем самым подтверждается присутствие в нартовском эпосе индоиранского наследия» [29].

Данный вывод подкрепляет позицию Ю.С. Гаглойти. По мнению ученого, «все возможные возражения против древнеосетинского (древнеиранского) происхождения имени Нартов – лишены серьезных оснований». И далее: <...> «в основе термина *Нарт* лежит древнеиранский корень *нар* – *воин, герой, защитник, мужчина*, в каком-то значении он и употребляется во всех национальных версиях нартского эпоса, <...> имя нартов получило свое оформление на осетинской почве и уже отсюда было заимствовано другими народами Кавказа» [30].

Названия холодного оружия в осетинском языке, как известно, принадлежат к древнему иранскому наследию. Названия *лука* – оружия и *радуги*, т.е. полукружий Солнца в осетинском языке омонимичны. В ирон. диалекте – *жрдын* «лук» и «радуга», дигор. – *æрдунæ/æндурæ* так же; (ср. семантику радуги в дигорском диалекте – *Сослани æндурæ* «лук Сослана» [31]). В плане семантической типологии ср. лат. *arcus* «лук (оружие)» и *arcus (coeli)* «радуга» [32].

Наименования лука-оружия *æрдын, æрдунæ/æндурæ* этимологически восходит к слову *dāru-, dru-* «дерево», а дерево, как известно, ассоциируется с солнцем. Налицо связь: *дерево* – *солнце* – *лук*, что подчеркивает космический и астральный характер дерева. Оно, как и радуга, в мифопоэтическом сознании выступает связующим звеном между небом и землей, по которому некоторые персонажи поднимаются до уровня богов; подтверждение этому находим в сюжетах Нартиады.

Допускаем, что семантика группы иранских слов, обозначающих *лук* (оружие) и восходящих к иран. **drūna-* (праформа сармат. **ardon-* «лук»; ср.-перс. *drwn=dron* «лук»; хот.-сак. *durna-*; ср.-перс. *drōn* (<**drauna*); а также др.-инд. *druna* «лук») [33] может лечь в основу возведения термина *Нарт* к образу сакрального лучника.

Семантическое развитие: «оружие» → «название (мифического) племени, народа», что характерно для многих мифопоэтических традиций: иран. **drūna-* «лук (оружие)» > *nærtan* > *nart* – к образу сакрального лучника с его связью с солярной символикой; ср. иран. **drūn(a)* > *rdun(a)* > *(æ)rdun(a)* > *(æ)rdon(a)* > *ærdon* > *ærton* > *(næ)ærtan* > *nærtan*. Предложенные переходы находят, на наш взгляд, закономерное обоснование по следующим позициям:

1) группа согласных **dr* обнаруживает метатезу: осет. *rd* < **dr*: **drun(a)* > *rdun(a)* [34];

2) характерное для осетинского языка появление протетического гласного, чаще всего *æ*, перед начальной группой согласных прослеживается в скифском в редких случаях, именно перед *r* [35]: осет. *(æ)rdun(a)* < др.-иран. *drun(a)* «лук (оружие)»;

3) переход *u > o* перед *n*: др.-иран. *druna > (æ)rdun(a) > (æ)rdon(a)*; яркая иллюстрация – у В.И. Абаева: *ærdun-ast > Ærdonastos* «имеющий восемь луков», *ærdun-жгвер > Ærdonagaros* «имеющий избыток луков» [36];

4) фонологически в результате общесетинской апокопы произошла утрата конечной гласной *-a*: *ærdon(a) > ærdon*;

5) в некоторых позициях звонкие согласные оглушались: *ærdon > ærton*;

6) одним из важнейших средств табуирования слова было отрицание, которое ставилось в начале слова: **næ < иран. *na: næ + ærton*. Табуировались обычно божественные сущности; к ним относился и боевой лук, эмблема власти бога;

7) наконец, стяжение гласного *ж*: *(næ)ærton > nærton*.

В итоге мы имеем *nærton*; как видим, «элемент *t* в слове *Nartæ* первоначально не был суффиксом множественности и лишь на каком-то этапе развития осетинского языка, контаминировавшись с суффиксом мн. ч. *-t(æ)*, приобрел это значение [37]. По замечанию В.И. Абаева, «...единичный *Нарт* будет *Нæртон* – вторичное образование с помощью суффикса *-он...*» [38]. Далее В.И. Абаев разлагает термин *нартæ* на основу *нар* и суффикс *-тæ*. Основа *нар*, как мы уже знаем, означает «изгиб», как и *изогнутый лук*.

Итак, на наш взгляд, приведенные факты объясняют связь Нартов с солнцем без обращения к монгольскому языку и фольклору. Известно, что мифопоэтическое мышление древних не определяло предмет со стороны его признаков, потому что оно еще не умело замечать их, тем более объединять признаки. Оно брало любой предмет с реальными признаками качества, цвета, величины ... и наделяло его образными, воображаемыми чертами, идущими мимо признаков предмета [39]. Это способствовало выходу семантики предмета на первый план: значимость в этом случае заменяла признаки, потому что всякая значимость и была признаком. Семантика лука-оружия тесно привязана к его функции и отражает следы различных напластований мифологических воззрений осетин. Как тут не присоединиться к вопросу известного ученого: «...Можно ли допустить бесследное исчезновение лучников-скифов из истории? – спрашивает Н.Я. Марр. – В пределах материальной, да и духовной культуры приходится серьезно считаться со словотворчеством с помощью племенных названий» [40].

По словам В.И. Абаева, создатели нартовского эпоса как «историки – неисправимые фантазеры», а как «художники, они – большие реалисты. Этим своим «стихийным» реализмом они невольно послужили истории, передав в ярких и неумирающих красках древний уклад жизни, создав исключительно жизненные типы героев, сохранив мировоззрение отдаленного прошлого» [41].

Надеемся, что наше толкование термина *Нарт*, следующее «из самой эпической традиции эпоса», согласуется с его духом и подтверждает солнечную природу героев сказаний.

Автор выражает искреннюю признательность члену-корреспонденту РАН, доктору исторических наук, профессору, зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН С.А. Артюнову и главному научному сотруднику Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН, доктору филологических наук, профессору И.Х. Абдуллаеву за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатинский Л.Г. Русско-кабардинский словарь с указателем // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII. С. 45; Bailey H. W. Ossetic (Nartā) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980. P. 237; Дзиццойты Ю.А. К этимологии термина *nart* // Nartamonga: журнал алаано-осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. 2008. Т. V, № 1, 2. С. 64–96.
2. Абаев В.И. Нартовский эпос // Изв. СОНИИ. 1945. Т. X, вып. 1. С. 88–94.
3. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе, 1971. 178 с.
4. Туганов М.С. Кто такие Нарты? // Гиреев Д.А. и Туганов Э.М. Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. С. 127–133.
5. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998. С. 24.
6. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Т. I. Цхинвал, 2010. С. 643–662.
7. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. С. 158–159.
8. Там же. С. 160.
9. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 98.
10. Раевский Д.Н. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 65–67.
11. Раевский Д.Н. Скифы. Кто они и откуда пришли? // Наука и жизнь. 1993. № 5. С. 36–44.
12. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. С. 63.
13. Иванеско А.В. Вооружение Нартов (на материале осетинских сказаний) // Донская археология. 1998. № 1. С. 92–95.
14. Денисон Г. История конницы: в 2 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 93.

-
15. Там же. С. 113.
  16. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. С. 25.
  17. *Абаев В.И.* Нартовский эпос. С. 18.
  18. *Андреева В. и др.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Локид; Миф, 2000. С. 461.
  19. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т./ гл. ред. *С.А. Токарев*. М.: НИ «Большая Рос. энциклопедия», 1998. Т. 2. С. 76.
  20. Там же. С. 76–77.
  21. *Калоев Б.А.* Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004. С. 327.
  22. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин / под ред. *Ю.Ю. Карпова*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 293.
  23. Сказания о нартах: в 5 т. Т. I / сост. *К.Ц. Гутиев*. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 28.
  24. *Абаев В.И.* Нартовский эпос. С. 101.
  25. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. 380 с.
  26. *Цагаева А.Дз.* Топонимия Северной Осетии: в 2 ч. Ч. II. Орджоникидзе: Ир, 1975. С. 283.
  27. Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 2. С. 461.
  28. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. С. 68–76.
  29. *Цимиданов В.В.* Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходжений // Изв. СОИГСИ. 2007. Вып. 1(40). С. 17–36.
  30. *Гаглойти Ю.С.* Избранные труды. Т. I. Цхинвал, 2010. С. 662.
  31. *Абаев В.И.* Нартовский эпос. С. 51.
  32. *Журавлев А.Ф.* Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica) // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн. М.: Наука, 2006. Кн. 2. С. 252–284.
  33. *Абаев, В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. С. 403–404.
  34. *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма / пер. с англ. *Т.К. Салбиева*. Владикавказ, 2009. С. 45.
  35. *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 235.
  36. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. Л.; М., 1958. С. 287.
  37. *Дзиццойты Ю.А.* Указ. соч. С. 74.
  38. *Абаев В.И.* Нартовский эпос. С. 90.
  39. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1979. С. 24.
  40. *Март Н.Я.* Термин «скиф» // Март Н.Я. Избр. раб. Т. 5. М.; Л., 1935. С. 1–43.
  41. *Абаев В.И.* Нартовский эпос. С. 108.

Поступила в редакцию 09.07.2012 г.
Принята к печати 18.12.2013 г.